

Н.П. Рагозин

Донецкий национальный технический университет

Реферат. На материале работ И. Канта осуществляется реконструкция философской модели университета нового типа, анализируются его структура, функции и основное назначение. Концепция университета Канта рассматривается не только как попытка реализовать стремления эпохи Просвещения, но и как отражение эпохи революционного подъёма, создавшей условия для образования свободной и ответственной личности и преобразовавшей все общественные отношения на основе их подчинения нормам морали и права.

Ключевые слова: классический университет, просвещение, прогресс, идеи Разума, реформа образования, просвещённое общество, научное образование.

Реформа системы образования, получившая в последнее десятилетие широкий размах в странах Западной и Восточной Европы, изменяя смысл и цели образования, приводит к тотальному пересмотру не только *структуры* и *функций* университета, но и его *назначения*. Это обстоятельство вновь заставляет обращаться к истории становления классического университета в надежде найти в ней понимание проблем сегодняшних. Настоящая статья имеет своей **целью** обоснование тезиса, согласно которому предназначение классического университета заключалось в том, чтобы *быть школой публичного применения разума*. Соответственно, **главными задачами** оказываются теоретическая реконструкция разработанной И. Кантом *философской модели классического университета*, а также анализ его *структуры* и *функций*.

В литературе можно встретить разные оценки роли Канта в подготовке реформы университета: от безоговорочного признания его Б. Ридингом в качестве родоначальника реформы и создателя новой модели университета [1, с. 90] до утверждения И. Фокиным, что для кантовского понимания системы университетского образования верховным понятием было государство [2, с. XIX]. При этом авторы, как правило, отмечают связь концепции университета И. Канта с Просвещением¹, но не уделяют должного внимания её связи с буржуазными революциями. В данной статье концепция университета И. Канта рассматривается не только как попытка реализовать стремление эпохи Просвещения к созданию общества, прогресс которого определяется развитием научного разума, но и как отражение эпохи революционного подъёма, создавшей условия для образования свободной личности и преобразовавшей общественные отношения на основе их подчинения нормам права и морали.

Путь Просвещения: революция или свобода публичного применения разума? Как известно, просветители провозгласили свою эпоху веком научного Разума, который должен был преобразовать общество. Однако, из этого ещё автоматически не следовало понимание того, какие именно социальные институты станут местом культивирования этого разума и инструментом распространения его идей в обществе. Возникшие в Европе в XVI-XVIII столетиях академии наук по самой своей сути не были предназначены для осуществления *научного образования*. Единственным институтом *систематического образования* оставались университеты. Очевидно, что университет мог стать площадкой для реализации просветительского замысла создания просвещённого общества, но для этого его надо было реформировать.

¹ В той или иной мере эту сторону в своих работах освещали следующие авторы: Андрущенко В. П., Беланова Р. А., Терещенко Ю., Финикова Т. В., Булдаков С. К., Гершунский Б. С., Квирик М., Огурцов А. П., Розин В. М., Фрейре П.

Кант первым в немецкой классике поднимает тему *смысла и назначения университета в эпоху Просвещения*. В знаменитой статье 1784 г. «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» Кант даёт очень глубокую характеристику эпохе Просвещения: «*Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения*» [3, с. 27].

Причину того, что большинство людей не пользуются своим рассудком, Кант видит в «лености и трусости», источником которых является «забота опекунов, столь любезно берущих на себя верховный надзор над этим большинством» [3, с. 27]. Леность поощряется властью имущими опекунами взрослых недорослей. Зачем думать самому, если тебе подсовывают готовый духовный корм? «Если у меня есть книга, мыслящая за меня, - пишет Кант, - если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою, и врач, предписывающий мне какой-то образ жизни, и т. п., то мне нечего и утруждать себя» [3, с. 27]. Но такое «готовое к употреблению» просвещение не может быть средством развития ни личности, ни общества.

Умственная леность не только поощряется, она прямо предписывается. Кант скуп, но совершенно точно указывает на источник этих предписаний: «Но вот я слышу голоса со всех сторон: *не рассуждайте!* Офицер говорит: не рассуждайте, а упражняйтесь! Советник министерства финансов: не рассуждайте, а платите! Духовное лицо: не рассуждайте, а верьте!» [3, с. 29]. Несколькими штрихами Кант набрасывает узнаваемый портрет *просвещенного абсолютизма*, неусыпно заботящегося о благе опекаемого им народа и забирающего у него взамен «всего лишь» свободу мысли, без которой человека не отличить от домашнего скота, не способного мыслить. Духовное просвещение, предоставляемое народу абсолютизмом, Кант справедливо оценивает как «кандалы постоянного несовершеннолетия» [3, с. 28] и полагает, что народ не нуждается в таком просвещении: «Но более возможно, и даже почти неизбежно, что публика сама себя просветит, если только предоставить ей свободу» [3, с. 28].

И здесь мысль Канта упирается в противоречие: просвещение – это результат свободной мысли, но для того, чтобы мысль была свободной, она должна быть просвещенной. Какой же выход из этого видит Кант? Он исходит из того, что Просвещение – это исторический процесс, который, однако, может иметь *разные траектории*. Начало этого процесса характеризуется тем, что элита просветителей ещё далека от народа, да и народ далёк от неё и не способен понимать её идеи. Поэтому элита просветителей воздействует, прежде всего, на властную элиту опекунов, с которой она близка по социальному статусу и уровню образования. Далее развитие Просвещения может пойти двумя разными путями.

Один из них таков. Внутри самой властвующей элиты, т. е. «среди поставленных над толпою опекунов», происходит раскол на тех, кто принял идеи просвещения, и на тех, кто «не способен ни к какому просвещению» [3, с. 28], но зато способен подстрекать тёмную толпу против просвещённых опекунов, играя на её предрассудках. Положение просвещённых опекунов становится трагическим: в раскол верхов начинает прорываться недовольство толпы, которую верхи вовлекают в активную политическую борьбу. Причём, одна часть верхов апеллирует к *рассудку*, а другая к *предрассудку* толпы, окончательно сбивая её с толку. Итог такого хода событий (Кант ясно даёт понять, что это – революция) не сулит ничего хорошего ни одному из их участников. Поэтому он набрасывает *другую возможную траекторию* развития Просвещения.

Кант формулирует одну из важнейших посылок своей концепции: «Никакая эпоха не может... поставить следующую эпоху в такое положение, когда для неё было бы невозможно расширить свои... познания, избавиться от ошибок и вообще двигаться вперёд в просвещении» [3, с. 31]. Процесс просвещения – исторически необходимый и неостановимый: «удержать человечество от дальнейшего просвещения на все времена» не в силах никто, даже если бы такое решение было утверждено «высшей властью, рейхстагом и самыми торжественными мирными договорами» [3, с. 31]. Поэтому у власти нет выбора – признавать или не признавать просвещение. Лучше его возглавить, используя его возможности во благо общества. Каким образом это можно сделать?

Для просвещения, пишет Кант, «требуется только свобода» [3, с. 29]. Но и неограниченная свобода и ограничение свободы (каждое по своему) препятствуют просвещению. Из этого противоречия Кант видит выход в том, чтобы найти такое ограничение, которое просвещению «не препятствует, а даже содействует» [3, с. 29]. По Канту, оно заключается в том, чтобы разграничить «публичное» и «частное» пользование собственным разумом. При этом «*публичное* пользование собственным разумом всегда должно быть свободным», в то время как «частное пользование разумом нередко должно быть очень ограничено» [3, с. 29]. Публичным применением собственного разума Кант называет такое, «которое осуществляется кем-то как *учёным* перед всей *читающей* публикой», в то время как частным применением разума является такое, «которое осуществляется человеком на доверенном ему *гражданском* посту или службе» [3, с. 29]. Кант переворачивает обычное понимание соотношения публичного и частного: государственная власть и служба всегда рассматривались как сфера общих публичных интересов, в то время как занятия наукой были частным делом; по мнению же Канта, правильным будет прямо противоположное понимание. Тем самым отвергается претензия власти быть единственным выразителем интересов общества. Чиновник на службе должен выполнять свои служебные обязанности: «офицер, получивший приказ», не должен умствовать о его целесообразности, «он должен подчиниться»; «священнослужитель обязан читать свои проповеди... согласно символу церкви, ибо он с таким условием и назначен» [3, с. 30]. Если вспомнить кантовскую картинку просвещённого абсолютизма, где чиновники вместо исполнения своих функций берут на себя миссию запрещать обществу рассуждать, то ясно, что в таком государстве его слуги выходят за пределы своих служебных полномочий.

Но дело не только в этом. Попытки ограничить использование человеком своего рассудка противоречат человеческой природе и исторически необходимому процессу развития просвещения, поэтому они бесперспективны и вредны. Естественно-исторический процесс развития просвещения рано или поздно возьмёт своё. И лучше не ставить препоны на его пути, а правильно его направить. Правильное развитие просвещения Кант видит в том, что публичное пользование собственным разумом «всегда должно быть свободным» и научным, т.е. аргументированным и открытым для обсуждения и критики. Чиновники, использующие разум в *частном* применении, могут пользоваться также и *публичным* разумом, ведь они, как и все люди, наделены способностью к самостоятельному суждению, которой никто не может их лишить. Чиновник на службе должен строго исполнять свои обязанности, но за пределами службы в качестве *мыслящего человека* он может и даже *обязан* публично излагать свои мысли как *учёный*: офицер может «делать замечания об ошибках в воинской службе и предлагать это своей публике для обсуждения» [3, с. 30]. Тем самым, Кант стремится превратить государственных чиновников в сторонников просвещения.

Даже сам государь не может предписывать или запрещать своим подданным тот или иной образ мысли, ибо *Просвещение* – это процесс развития и совершенствования *всего человеческого рода, которому и принадлежит право на него*. Ни один народ, ни одно поколение людей не может отказаться от просвещения, поскольку это означает

«нарушить и попортить священные права человечества» [3, с. 32]. Отсюда вывод Канта: «Но то, что не может решить относительно самого себя народ, ещё меньше вправе решать относительно народа монарх. Ведь его авторитет законодателя покоится на том, что он в своей воле объединяет всеобщую волю народа» [3, с. 32]. Следовательно, монарх как законодатель должен не навязывать свою волю народу, а создавать своими законами правильные условия для её развития и реализации.

Итак, в противовес *революционному сценарию* развития просвещения Кант выдвигает путь его *реформирования*. По Канту, для просвещения, как мы помним, «требуется только свобода». Однако, *неограниченная свобода* сплошь и рядом неотличима от *неограниченного произвола*, что рождает проблему *границ свободы*, в связи с которой встаёт и проблема соотношения свободы теоретического (публичного) разума с реальной практической жизнью людей в обществе. Таким образом, определение *пути Просвещения* оборачивается для Канта *проблемой связи теории и практики*. Эту проблему он в разных аспектах обсуждает в известной статье 1793 г. «О поговорке «может быть, это верно в теории, но не годится для практики»», где проблема *границ свободы* рассматривается в контексте идеи *гражданского общества*.

Кант исходит из того, что в обществе границей свободы является *право*, которое «есть ограничение свободы каждого условием согласия её со свободой всех других...» [4, с. 78]. Поскольку право есть ограничение свободы *каждого*, но не такое, в результате которого её нет у *всех*, постольку *право* следует понимать не как *противоположность свободы*, но как меру (баланс) индивидуальной и общественной свободы, установленной законом, которую не так то просто найти. Правомерный публичный закон, с одной стороны, имеет право принуждать, а с другой – запрещает противиться действием воле законодателя. Правопорядок несовместим с признанием допустимости сопротивления власти, т. к. это «разрушит всякое гражданское устройство и уничтожит то состояние, единственно в котором люди и могут вообще обладать правами» [4, с. 89]. Вместе с тем, ценность закона состоит в том, что он принуждает не только подданных: воля законодателя тоже не произвольна, а «представляет общую волю народа» [4, с. 96] и потому должна знать, чего желает воля народа. А значит, «гражданин государства, и притом с позволения самого государя, должен иметь право открыто высказывать своё мнение о том, какие из распоряжений государства кажутся ему несправедливыми по отношению к обществу» [4, с. 95].

Это значит, что положительное право законодателя устанавливает законы и требовать их исполнения должно быть ограничено *негативными правами народа*, т.е. правом судить о том, *что* именно в высшем законодательстве не согласуется с его доброй волей. Эти негативные права народа Кант фиксирует в следующей формуле: «*чего народ не может решить относительно самого себя, того и законодатель не может решить относительно народа*» [4, с. 96]. Иными словами, прежде чем законодатель будет что-то решать относительно народа, следует дать народу возможность свободно определиться с содержанием своей воли. А для этого требуется *наличие высшего публичного пространства самоопределения воли*, стоящего над *пространством власти законодателя*. И это пространство – *свобода печатного слова*, которая есть «единственный палладиум прав народа» [4, с. 95].

Немецкий мыслитель ищет средний путь между насильственным, кровавым бунтом и неограниченным деспотизмом. Он трезво оценивает свою эпоху: «Если задать вопрос, живём ли мы теперь в *просвещённый* век, то ответ будет: нет, но мы живём в век просвещения» [3, с. 33]. Поэтому в споре между народом и властью последнее слово должно принадлежать *Разуму, Просвещению*. Кант не разделяет точку зрения скептиков, полагающих, что верное в теории не годится для практики. Напротив, он убеждён: «...то, что по соображениям разума имеет значение в теории, имеет значение также и на практике» [4, с. 106]. Но не следует форсировать естественный процесс

развития просвещения, игнорируя «условия времени», нельзя субъективную свободу с её противоречивыми и постоянно меняющимися представлениями людей о счастье превращать в мерило общественного законодательства. Следует создавать и расширять *пространство публичного применения разума* – вот путь развития Просвещения.

Университет как школа публичного применения разума. Вопрос о назначении университета Кант рассматривает как проблему института, являющегося связующим звеном между государством и обществом. На первый взгляд кажется, что Кант не предлагает никаких реформ университета в том смысле, какой обычно связывают с этим понятием. Он не предлагает изменений сложившейся структуры университета, порядка управления и финансирования его, организации учебного процесса и т. п. Почему же тогда «Спор факультетов», работа, которую сам Кант был склонен рассматривать как «сугубо публицистическую», инспирировала *общегерманскую дискуссию об университете*, ставшую пусковым механизмом к его реформам?

Нам представляется, что будоражащее воздействие «Спора факультетов» связано с тем, что в этой работе Кант на весьма показательном примере развил свою мысль о *публичном применении разума* и его роли в духовном и политическом освобождении общества. Как мы помним, публичным применением разума является такое, «которое осуществляется кем-то как *учёным* перед всей *читающей* публикой», в то время как частным применением разума является такое, «которое осуществляется человеком на доверенном ему *гражданском* посту или службе». Университетский профессор по социальному статусу является государственным чиновником, который по *службе занимается наукой*. Как он применяет свой разум – в публичном или частном порядке? Очевидно, что общего ответа на такой вопрос не существует. Чтобы ответить на него нужно разобраться, с *какой наукой* мы имеем дело и что значит – *заниматься наукой*, где граница между знанием *гетерономным*, подчинённым внешним целям и законам, и знанием *автономным*, подчинённым лишь собственному закону – закону *истины*.

Всё поле науки Кант видит организованным «по принципу разделения труда»: сколько существует отраслей науки – столько имеется и учёных «в качестве хранителей этих наук». Эти учёные «вместе составляют некое учёное сообщество», обладающее автономией, в смысле наличия внутри сообщества критериев, позволяющих отличать членов сообщества от не-членов, поскольку «...судить об учёных, как таковых, могут только учёные» [5, с. 313]. Сообщества учёных бывают формальными, имеющими официальные полномочия присваивать не-членам научного сообщества звания и степени, включая последних в состав научного сообщества путём признания их профессиональной квалификации. Такими правами обладают университеты. Но есть также учёные, «не принадлежащие к *университету*», которые в рамках свободных корпораций («*академии* или *учёные общества*») – поясняет Кант) каждый сам «...без публичных предписаний и правил, занимается развитием и распространением наук в качестве *любителя*» [5, с. 314]. Сообщества профессиональных (университетских) и непрофессиональных учёных образуют ядро науки в обществе, обладающее относительной автономией, обусловленной подчинением категорическому императиву науки – *поиску истины*.

Но у науки в обществе есть не только ядро, но и периферия. На периферии Кант выделяет образованных людей, которых правительство назначает на должности, «чтобы использовать их в своих целях (а не для блага наук)» [5, с. 314]. Эту категорию Кант называет «*деловыми людьми* или *практиками науки*». Особенность «практиков науки» в том, что они, с одной стороны, являются носителями знания, полученного в университете, а с другой стороны – «орудиями правительства», проводниками его воли и интересов и потому «не свободны применять свою учёность на службе по своему разумению, а должны в этом быть под надзором факультетов» [5, с. 314]. У «практиков науки» знание имеет *гетерономный характер*, оно подчиняется посторонним науке

интересам и целям. Какое же место на этом поле знания занимает *университет*, и какую роль в обществе ему отводит Кант?

Современный Канту университет, «по заведённому обычаю», состоял из четырёх факультетов, которые делились на три высших – теологический, юридический, медицинский – и один низший – философский. Такое деление, отмечает Кант, исходит не от учёных, а от правительства, которого учения высших факультетов интересуют исключительно с политико-прагматической точки зрения – как средство влияния на народ. Само правительство не учит, но поручает высшим факультетам, знание которых *гетерономно*, публично излагать соответствующие учения, которые оно утверждает и обязывает профессоров этих факультетов учить им, заключая с ними соглашение при вступлении в должность. Но в университете, по Канту, обязательно должен существовать факультет, *независимый* от правительственных приказов по части своих учений, ибо *нельзя приказывать считать что-либо истинным*. Этот факультет должен иметь право «обсуждать все распоряжения, касающиеся интересов науки, т. е. *истины*, когда разум должен быть вправе говорить публично, так как без такой свободы истина (в ущерб самому правительству) никогда не станет известной» [5, с. 316].

Такое утилитарно-прагматическое обоснование необходимости существования философского факультета дополняется у Канта его сущностным обоснованием. *Гетерономное* знание как таковое должно не только отвечать неким целям и интересам, но и соответствовать критериям истины. Отсюда следует принципиальный вывод: «Способность судить автономно, т. е. свободно (сообразно с принципами мышления вообще), называют разумом. Стало быть, философский факультет, поскольку он обязан ручаться за *истинность* учений, ... должно мыслить как свободный, подчинённый только законодательству разума, а не законодательству правительства» [5, с. 324-325]. *Автономия разума*, как его сущностное определение, является истоком *автономии университета*. Соответственно, профессор философского факультета, хотя он и назначается правительством, свой разум должен применять *только публично*, в отличие от профессоров высших факультетов.

Философский факультет, в понимании Канта, есть факультет, где развивается и преподаётся *всё научное знание* (эмпирическое и теоретическое). Он состоит из двух отделений: отделения «*исторического познания* (к которому относятся история, география, языкознание, гуманистика со всем, что даёт природоведение, опирающееся на эмпирическое знание)» и отделения «*чистого познания разумом* (чистой математики и чистой философии, метафизики природы и нравов)». Философский факультет в таком понимании оказывается синонимом учреждения, занятого *поиском и распространением в обществе научного знания*. «Именно поэтому философский факультет, - считает Кант, - включает все части человеческого знания (стало быть, исторически и высшие факультеты), но делает все эти части (а именно специфические учения или предписания высших факультетов) не содержанием, а лишь предметом своего исследования и своей критики, имея целью пользу всех наук» [5, с. 325].

Объединение в рамках одного института факультетов, представляющих разные типы знания, – *автономное*, ориентированное на поиск истины, и *гетерономное*, ориентированное на то, чтобы служить правительству орудием воздействия на общество, – неизбежно приводит к конфликту, *спору факультетов* между собой. В чём же суть этого спора факультетов? Ответ на этот вопрос содержит в себе ключ к кантовскому пониманию назначения и роли университета в обществе.

Для Канта спор факультетов – это не внутриуниверситетская склока, а борьба за определение путей и средств развития общества. Спор высших факультетов с низшим ведётся «за влияние на народ, и добиться этого влияния они могут лишь в той мере, в какой каждому из них удастся убедить народ в своей способности наилучшим образом содействовать его благополучию» [5, с. 327]. Такой спор факультетов изначально

незаконен по форме, так как спорящие стороны используют разные способы ведения спора: философский факультет опирается на объективные доводы, обращённые к *разуму народа*, в то время как высшие факультеты опираются на субъективные мотивы, обращённые к *желаниям и склонностям народа*.

В чём же народ, пребывающий в непросвещённом состоянии, усматривает своё благополучие? Он, как полагает Кант, «усматривает своё благополучие не в свободе, а прежде всего в своих естественных целях, а стало быть, в трёх вещах: в блаженстве после смерти, в том, чтобы при жизни среди своих ближних иметь гарантию своей собственности, основанную на публичных законах, и, наконец, в физическом наслаждении жизнью самой по себе (т.е. в здоровье и долгой жизни)» [5, с. 327].

Чем может ответить философский факультет на эти ожидания народа? Он может только посоветовать человеку из народа жить честно, поступать справедливо, следить за своим здоровьем. Однако, такие советы, адресованные *разуму народа*, не устраивают его *склонности*, которые нащёптывают ему другое: «как бы мне, прожившему *нечестивую* жизнь, всё же в последний момент получить позволение войти в царство небесное; как бы мне, если даже я *неправ*, выиграть тяжбу и как бы мне остаться здоровым и долго прожить, если даже я использовал свои телесные силы для наслаждения и даже *злоупотреблял* ими» [5, с. 328].

Кант с горечью замечает, что «народ большей частью следует тому, что требует от него меньше всего усилий и применения собственного разума» [5, с. 329], что он больше подчиняется своим склонностям, чем дисциплине разума. А склонности требуют того, что может дать только чудо. И высшие факультеты обещают сотворить такое чудо, которое *противоречит объективным законам*. Потому высшие факультеты вступают с философским факультетом в *незаконный* спор. Ситуация этого незаконного спора усугубляется, когда в него вмешивается правительство, которое *склонности возводит в закон* и, тем самым, *вступает в противоречие с разумом*, вовлекая высшие факультеты в спор с философским факультетом.

Законный спор высших факультетов с низшим – это спор о сути и содержании излагаемых на факультетах учений. Учения высших факультетов, утверждаемые правительством, можно рассматривать лишь как выражения правительственной воли и человеческой мудрости, которые не непогрешимы. Поскольку для правительства не может быть безразличным то, насколько эти учения соответствуют истине, постольку философский факультет имеет законное право подвергать эти учения проверке и публичному обсуждению. При этом, публичный спор теоретиков разных факультетов, считает Кант, должен быть обращён «к *учёной публике*, занимающейся науками» и происходить только *внутри научного сообщества*. Народ же должен скромно полагать, «что он в этих науках ничего не смыслит», а правительство должно считать «неприличным для себя ввязываться в учёные споры» [5, с. 332].

В рамках *научного спора* профессора высших факультетов могут и обязаны использовать разум в *публичном применении*. Здесь не имеют силы доводы, ссылающиеся на авторитет власти и высшего откровения, здесь имеют значение только доводы разума. Такой спор факультетов не может быть улажен и мирной сделкой, «а нуждается (как процесс) в приговоре, т. е. в имеющем законную силу решении судьи (разума)» [5, с. 331], который и выступает высшим арбитром. Если решения разума потребуют внесения изменений в учения высших факультетов, то такие изменения должны быть согласованы с правительством. Если же кто-либо из профессоров сам начнёт вносить изменения в читаемые им публично учения, то правительство может принимать о них решения через «арбитраж, созданный высшим факультетом, так как эти практические деятели могли быть назначены правительством для изложения тех или иных учений только *через факультет*» [5, с. 333].

Лояльность высших факультетов по отношению к правительству требует от них самоцензуры, которую можно расценить как своего рода гражданскую ответственность учёных, понимающих, что «неограниченная свобода... неизбежно становится опасной... отчасти для самой публики» [5, с. 331]. Спор факультетов, основанный на доводах разума и гражданской ответственности, делая возможным также и согласие между «учёным и гражданским обществом в максимах» (т. е. в правилах поведения), в конечном итоге «...подготавливает отмену всяких ограничений свободы общественного мнения» [5, с. 333], приближая время, когда «последние станут первыми (низший факультет высшим), правда не в смысле господства, а в смысле дачи советов властям (правительству); в этом случае свобода философского факультета и вытекающая отсюда свобода воззрений будет лучшим средством для достижения целей правительства, чем его собственный абсолютный авторитет» [5, с. 333].

Как видим, согласно концепции Канта, университет является институтом не только *научного просвещения*, но и школой политической свободы общества, органом *ненасильственной духовной революции*. Поэтому и сегодня следует сохранять его предназначение – *быть площадкой публичного применения разума*, равноправным партнёром государства в деле определения путей и средств достижения общественного блага. Если пытаться подобрать девиз университета, который выражает его миссию в понимании немецкого философа, то, пожалуй, наиболее точным будет девиз Просвещения: *Sapere aude!* – *имей мужество пользоваться собственным умом!*

РЕЗЮМЕ

На матеріалі праць І. Канта здійснюється реконструкція філософської моделі університету нового типу; аналізуються його структура, функції й головне призначення. Концепція Канта розглядається як рефлексія епохи революційного підйому, що створила умови для формування свободної особистості і перетворення всіх суспільних відносин на основі їхнього підкорення нормам моралі і права.

Ключові слова: класичний університет, просвіта, прогрес, ідеї Розуму, реформа освіти, просвічене суспільство, наукова освіта.

SUMMARY

The article gives reconstruction of philosophic model of new type university basing on material of I. Kant's works. It provides with analysis of its structure, functions and main purpose. Kant's concept is taken as the reflection of revolutionary development age which delivered conditions for creation of free personality and rearranged all social relations on the basis of their subordination to moral and law standards.

Key words: classical university, enlightenment, progress, ideas of Reason, reformation of education, enlightened society, scientific education.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Ридингс Б. Университет в руинах [Текст] /пер. с англ. А. М. Корбута; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2010
2. Фокин И. Университетская реформация Шеллинга // Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования / Пер. с нем., вступ. ст., примеч. Ивана Фокина. – Спб.: Издательский дом «Мир», 2009
3. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? /И. Кант // Кант И. Соч. в шести тт. – Т. 6 – М.: Мысль, 1966. – С. 25-37.
4. Кант И. О поговорке «может быть это и верно в теории, но не годится для практики» / И. Кант // Кант И. Соч. в шести тт. – Т.4, ч.2. – М.: Мысль, 1965. – С. 59-107.
5. Кант И. Спор факультетов /И. Кант // Кант И. Соч. в шести тт. – Т. 6 – М.: Мысль, 1966. – С. 311-348.